

Уважаемые участники!

Перед Вами басня, впервые опубликованная в 1705 г., а в 1714 г. переизданная с обширными комментариями. Текст басни ниже дан целиком, а из комментариев лишь краткие фрагменты. **Познакомьтесь с басней и комментариями¹ и выполните задания.**

- 1. Сформулируйте основную идею басни (в одном предложении).**
- 2. Каковы достоинства и недостатки социального неравенства по мнению автора? Приведите все возможные позиции.**

1	2
НЕДОСТАТКИ	ДОСТОИНСТВА

- 3. Сформулируйте позицию автора о роли социального неравенства в обществе (в одном предложении). Согласны ли вы с этой позицией? Свой ответ аргументируйте, приведя не более 2-х аргументов.**
- 4. Сформулируйте позицию автора о роли денег в обществе. Согласны ли вы с этой позицией? Свой ответ аргументируйте, приведя не более 3-х аргументов.**
- 5. Каково отношение автора к общественным инновациям? Для подтверждения своего ответа используйте пример из текста.**
- 6. Как можно охарактеризовать общественный строй до того, как улей стал добродетельным? На какой общественный строй похоже существование улья после обретения добродетели?**

1	2
ДО	ПОСЛЕ

- 7. В истории социальной мысли существует две противоположные трактовки общества. Ярчайшим представителем одной является Аристотель, другой — Томас Гоббс.**
 - 7.1. О каких трактовках общества идет речь? Сформулируйте их.**
 - 7.2. Приверженцем какой трактовки общества можно считать автора басни?**
 - 7.3. И в трактовке Аристотеля, и в трактовке Гоббса общество вырастает из определенных человеческих качеств. Автор басни не согласен с обоими**

¹ **Совет:** прочитайте сначала всю басню и лишь потом читайте комментарии к ее отдельным фрагментам басни.

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
9–11 КЛАСС**

мыслителями в этой части интерпретации природы общества. А вот со знаменитым французским просветителем — Ж.-Ж. Руссо — по этому вопросу автор басни, наоборот, согласен. **Объясните, в чем именно автор не согласен с Аристотелем и Гоббсом, а в чем согласен с Руссо.**

- 8.** Существует известная всем метафора, авторство которой принадлежит великому экономисту. Эта метафора стала служить для обозначения одного из фундаментальных экономических механизмов.

8.1. О какой метафоре идет речь? Приведите ее.

8.2. Сформулируйте суть экономического механизма, о котором идет речь.

8.3. Приведите три фрагмента из текста, которые служат доказательством того, что автор басни (а она была опубликована на 71 год раньше, чем исследование знаменитого экономиста) **первым описал этот механизм.**

ВОЗРОПТАВШИЙ УЛЕЙ

В просторном улье пчелы жили,
Имелось все там в изобилье;
И множились науки в нем,
И шел промышленный подъем;
Закона и оружия сила
Его величие хранила;
И каждой новою весной
Он порождал за роем рой.
Ни деспота не знал он власти,
Ни демократии напасти;
Им управлял король, чей трон
Законом был давно стеснен.
Так жили пчелы жизнью вольной,
Но были вечно недовольны.

Ну, словом, был пчелиный рой
Во всем похож на род людской.
Производили то же пчелы,
Что наши города и села:
Все те предметы, что нужны
Для мирной жизни и войны.
И нет у нас таких строений,
Машин, судов, изобретений,
Наук, искусств и мастерских,
Каких бы не было у них.
Посредством крохотных орудий
Они все делали, как люди;
И нам хватает наших слов
Для описанья их трудов.
Из человеческих дел едва ли
Они чего-нибудь не знали,
Ну разве что иных затей —
Игральных, например, костей.
И то навряд ли; в самом деле,
Ведь короли солдат имели —
А разве был на свете полк,
Где в играх бы не знали толк?

Итак, цвел улей плодovitый,
До крышки пчелами набитый;
И в нем, как в обществе людей,
Кипели тысячи страстей.

Иные утоляли страсти,
Достигнув почестей и власти;
Другие в копиях, в мастерских
Всю жизнь работали на них,
Полмира, почитай, кормили,
А сами, как илоты, жили.
Тот, кто имел свой капитал,
Себя ничем не утруждал
И только прибыли считал;
Другие знали лишь работу,
Трудились до седьмого поту
И спину гнули день-деньской,
Питаясь хлебом и водой.
Иные днями и ночами
Вершили темными делами,
Которым обучать юнцов
Рискнул бы худший из отцов.
Плуты, хапуги, сутенеры,
Гадалки, шарлатаны, воры —
Все шли на хитрость и обман,
Дабы набить себе карман.
А впрочем — остальные тоже
С мошенниками были схожи:
Весьма солидные мужи
Нисколько не чурались лжи,
И были в улье том едва ли
Заняться, где б не плутовали.

Здесь каждый адвокат владел
Искусством раздуванья дел
И, ловко разжигая споры,
Клиентов грабил хуже вора.
Суды веденье тяжб всегда
Растягивали на года,
Однако было все в порядке,
Когда судье давали взятки;
За эти воздаянья он
Так рьяно изучал закон,
Как взломщик изучает лавки,
Чтоб лучше обобрать прилавки.

Врачи заботились скорей

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
9–11 КЛАСС**

О репутации своей,
А не о том, чтобы лечение
Несло больному облегченье;
Стремясь доверье заслужить,
Старались чуткими прослыть:
Войти с улыбкой в дом больного,
Приветливое молвить слово
И угодить его родне,
Любой внимая болтовне.

Мужи духовного сословья
Не чужды были суесловья
И, хоть служили при богам,
Погрязли в низменных грехах.
Всем досаждали их чванливость,
Корыстолюбье, похотливость —
Пороки, свойственные им,
Как кражи мелкие — портным.
Они, вперяя взоры в небо,
Послать молили корку хлеба,
А сами жаждали притом
Заполучить амбар с зерном.
Пока жрецы всюду радели,
Те, кто их нанял, богатели,
Благополучием своим
Весьма обязанные им.

Коль дрались на войне солдаты —
Их ждали почести, награды.
А тех, кто бойни избегал,
Судил военный трибунал;
Причем указ был очень строгий —
Им просто отрубали ноги.
Отнюдь не всякий генерал
С врагами честно воевал;
Иной, на деньги шибко падкий,
Щадил противника за взятки.
Те, кто был в битвах смел и рьян,
Считать не успевали ран;
А трусы по домам сидели,
Зато двойной оклад имели.

Лишь на оклад никто не жил
Из тех, кто при дворе служил;
Ревнителю служенья трону
Бесстыдно грабили корону
И, обирая королей,
Хвалились честностью своей.
Везде чинуши плутовали;
Но чтоб о том не толковали,
Они мошенничества плод

Умели выдать за доход
И называли честной сделкой
Любую грязную проделку.
Ну, словом, каждая пчела
Обогащалась как могла,
Доходы большие имея,
Чем думал тот, кто znalся с нею;
Так выигрыш скрывает свой
От остальных игрок любой.

Не перечесть все их проделки,
Навоз — и тот бывал подделкой,
И удобренье для полей
Сплошь состояло из камней.
В своем стремленье жить богато
Всяк норовил надуть собрата
Иль вымещал на нем свой срам.
Когда бывал обманут сам.

Хотя и были у Фемиды
Глаза повязкою закрыты,
Ее карающая длань
Охотно принимала дань.
И всем, конечно, было ясно:
Ее решение пристрастно,
Богиня делает лишь вид,
Что судит так, как долг велит.
Она судом грозила строгим
Лишь неимущим и убогим,
Тем, кто нуждой был принужден
Немного преступать закон.
Зато богатый, именитый
Был защищен мечом Фемиды,
Всегда готовым чернь карать,
Дабы обезопасить знать.

Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем.
Он порождал в округе всей
И страх врагов, и лесть друзей;
Все ульи несравнимы были
С ним по богатству и по силе.
Такой здесь был гражданский строй,
Что благо нес изъян любой
И, вняв политики урокам,

Дружила нравственность с порокомⁱ;
Тут и преступница-пчела
Для пользы общества жилаⁱⁱ.

Весьма искусное правленье

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
9–11 КЛАСС**

Всех пчел хранило единенье.
Хоть и роптали пчелы, рой
Согласно жил семьей большой;
Враги — и те, хоть не желали
Того, друг другу помогалиⁱⁱⁱ;
И добродетели одних
Питали слабости других.

Здесь жадность, будучи истоком
Всех зол, губительным пороком,
Себя связала с мотовством —
Сим благороднейшим грехом;
Здесь роскошь бедных выручала
Тем, что работу им давала^{iv};
Ей гордость в этом помогала^v;
А зависть и тщеславье тут
Облагораживали труд.
К тому ж у этого народа
На все менялась быстро мода;
Сей странный к перемене пыл
Торговли двигателем был.
В еде, в одежде, в развлеченье —
Во всем стремились к перемене;
И образцы новейших мод
Уж забывались через год.
Сменяя в обществе порядки.
В нем устраняли недостатки;
В итоге славным пчелам зло
Благополучие несло.

Плоды пороков пожиная.
Цвела держава восковая.
Изобретательность и труд
Впрямь чудеса творили тут.
Покой, комфорт и наслажденья^{vi}
Сполна вкушало население;
И жил теперь бедняк простой
Получше, чем богач былой^{vii}.

Но как обманчиво блаженство!
Когда бы знать, что совершенство
И боги нам не в силах дать.
Не стали твари бы роптать.
Они ж, чуть что, всю вопили:
«Мошенники нас погубили!
Что власть, что армия. что суд —
На воре вор, на плуте плут!»
И те, что сами плутовали,

Других за плутни бичевали.

Один богач — как раз из тех.
Кто жил, обманывая всех, —
Орал, что к светопреставленью
Ведут все эти преступления.
И кто же тот разбойник был,
Кого так люто он бранил?
Прохвост-перчаточник, продавший
Ему овчину вместо замши.

Прекрасно шли у пчел дела,
И польза всем от них была,
И все же все кричали: «Боги,
Хотим жить честно! Будьте строги!»
Услышав их мольбы, Гермес
Лишь усмехнулся; но Зевес
Сказал, сверкнувши гневным оком:
«Что ж, это будет им уроком».
И вот — о чудо из чудес! —
Из жизни пчел обман исчез;
Забыты хитрости и плутни,
Все стали честны, даже трутни;
И вызывает только стыд
У трезвых пчел их прежний быт.

О славный улей! Даже жутко,
Какую с ним сыграли шутку!
За полчаса по всей стране
Продукты снизились в цене;
Все сняли маску лицемерья
И жаждут полного доверья;
Презрела роскошь даже знать;
Ну прямо улей не узнать.
Заимодавцам нет заботы,
И адвокаты без работы,
Поскольку сразу должники
Вернули с радостью долги;
А кои возвратить забыли,
Тем кредиторы долг простили.
За прекращеньем многих дел
И род судейских поредел;
Последним туго, как известно,
Когда дела ведутся честно:
Доходов не приносит суд,
И из судов они бегут.

Одних преступников казнили,
Других на волю отпустили.
Едва застенок опустел,
Оставшись вовсе не у дел,

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
9–11 КЛАСС**

Из улья отбыла Фемида,
А с ней — ее большая свита.
Толпой шли чинно кузнецы —
Тюремной утвари творцы —
С железными дверьми, замками,
Решетками и кандалами;
Шел весь тюремный персонал,
Что заключенных охранял;
От них на должном расстоянии —
Палач в багряном одеянье,
Но не с мифическим мечом —
С веревкой шел и топором;
За ним, в кругу шерифов, судей,
Везли богиню правосудья.

Теперь лечить недужных смел
Лишь тот, кто врачевать умел;
И даже в селах захолустных
Хватало лекарей искусных.
Больных старались так лечить,
Чтоб их страданья облегчить,
Причем без всяких выгод личных
И без таблеток заграничных;
Знал лекарь: и в своей стране
Замену им найдет вполне.

Жрецы отныне не ленились,
Со всем усердием молились
И славословили богов,
Не полагаясь на дьячков.
А те, что барствовать хотели, —
Все оказались не при деле
(Которое для честных пчел
Иной бы и ненужным счел).
Верховный жрец теперь всецело
Отдал себя святому делу
И голос свой подать не смел
При разрешеньи светских дел.
Зато любой бедняк и нищий
Могли найти в его жилище
Чем подкрепиться: хлеб и эль,
А путник — теплую постель.

Министры поняли, что надо
Жить скромно на свои оклады ^{viii};
И нетерпим стал с этих пор
К любому жульничеству двор.
И если пенсион свой скромный
Ждала неделями в приемной
Иная бедная пчела
И получить его могла,

Лишь сунув клерку в руку крону, —
Того карали по закону;
Хотя в былые времена
Прощалась большая вина.
Досель на каждом златном месте
Сидело по три чина вместе,
Дабы друг другу не давать
Чрезмерно много воровать;
Они друг друга наблюдали
И вскоре вместе плутовали.
А ныне лишь один сидел,
Другие были не у дел.

Всё пчелы для уплаты долга
Распродают: отрезы шелка,
Кареты, дачи, скакуны
Идут с торгов за полцены.
Им честь диктует бедняками
Скорее быть, чем должниками.

Они бегут ненужных трат,
Не шлют за рубежи солдат,
Не ценят воинскую славу,
Однако за свою державу,
За право мирно, вольно жить
Готовы головы сложить.

Куда ни глянь — не то, что было:
Торговлю честность погубила,
Осталась уйма пчел без дел,
И улей быстро опустел.
Нет богачей, пропали моты,
Что деньги тратили без счета;
Занятя где теперь найдут
Все те, кто продавал свой труд?
Конец закупкам и заказам —
И производство гибнет разом;
Везде теперь один ответ:
«Нет сбыта — и работы нет».

На землю даже пали цены;
Сдают внаем дворцы, чьи стены
Само искусство возвело;
И, удивленные зело,
Печально зрят сей строй убогий
Их охраняющие боги.
Без дела плотник, камнерез,
На их работу спрос исчез;
Пришло в упадок, захирело
Градостроительное дело;
И живописца дивный труд

**Второй тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2025 г.
9–11 КЛАСС**

Уж никому не нужен тут ^{ix}.

У пчел мизерные оклады,
На день хватает — ну и рады,
И больших нет у них забот,
Чем оплатить в таверне счет.
Теперь кокетки записные
Не носят платья золотые;
Не закупает крупный чин
Ни дичи, ни французских вин;
Да и придворный равнодушен
К тому, что подадут на ужин,
Которому теперь цена
Не та, что в оны времена.

Еще совсем недавно Хлоя
Богатства ради и покоя
Толкала мужа своего

На плутовство и воровство ^x;
Теперь пускает в распродажу
Златую утварь, мебель даже —
Те вещи, ради коих рой
Творил в Вест-Индии разбой.
Пришли иные в улей нравы;
Забыты моды и забавы;
Нет шелка, бархата, парчи —
Не ткут их более ткачи.
Беднее стали все раз во сто,
Зато все дешево и просто,
Зато обрел пчелиный рой
И мир, и счастье, и покой.
Берут лишь то, что даст природа;
Сады растут без садовода
И глаз не радуют плодом,
Взращенным знаньем и трудом.

Уж не плывут в чужие страны
Судов торговых караваны;
Нигде не видно ни купцов,
Ни финансистов, ни дельцов;
Ремесла все пришли в расстройство;
Бич трудолюбия, довольство,
Мешает выгоду искать
И большего, чем есть, желать.

И тут на улей опустелый
Коварные соседи смело
Со всех сторон пошли войной;
И закипел кровавый бой!
И год и два — враги все рвутся;

Отважно, храбро пчелы бьются;
Их мужество в конце концов
Спасает улей от врагов.
Победа! Но победа рою
Досталась дорогой ценою:
Мильоны пали, и страна
Была вконец разорена.
Финал послужит всем уроком:
Покой — и тот сочтя пороком,
Проникшись духом простоты
И первородной чистоты,
Настолько пчелы опростели,
Что все в дупло перелетели,
Где, честной бедностью своей
Гордясь, живут до наших дней.

Мораль

Да будет всем глупцам известно,
Что улей жить не может честно.
В мирских удобствах пребывать,
Притом пороков избежать —
Нельзя; такое положение
Возможно лишь в воображенье.
Нам — это все понять должны —
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много.
Конечно, голод — это зло;
Но без него бы не могло
Раздобывать себе съестное,
Расти и крепнуть все живое.
Лоза плодов не принесет,
Пока дикаркою растет;
Чтоб зрели грозди винограда,
Лозу не раз подрезать надо;
Но вот подвязана она,
Вся ссохлась, вся искривлена,
А сколько нам дает вина!
Так и порок полезен людям,
Когда он связан правосудьем.
Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок;
Достатка — все тому свидетель —
Не даст ему лишь добродетель.
И те, кто век вернет иной,
Прекраснодушный, золотой,
Верша все честными руками,
Питаться будут желудами ^{xi}.

ⁱ *И, вняв политики урокам,
Дружила нравственность с пороком...*

Можно сказать, что добродетель подружилась с пороком, если трудолюбивые порядочные люди, которые содержат семью и достойно воспитывают детей, платят налоги и являются во многих отношениях полезными членами общества, обеспечивают себе на жизнь каким-либо занятием, зависящим главным образом от пороков других людей, или находящимся под сильным влиянием этих пороков; причем сами они не подвержены им и не соучаствуют в них, если не считать того, что они связаны с ними через свое занятие, как аптекарь может быть соучастником отравления, а оружейник — кровопролития.

Так, купец, отправляющий зерно или сукно в зарубежные страны, с тем чтобы купить там вина и коньяки, поощряет рост и производство своей собственной страны; он способствует развитию мореплавания, росту таможенных сборов и во многих отношениях приносит прибыль обществу; однако нельзя отрицать, что больше всего он зависит от расточительности и пьянства. Ибо если бы никто не пил вина, кроме тех, кому оно действительно необходимо, и если бы никто не пил больше, чем требует здоровье, то огромное число торговцев вином оптом и в розницу, бочаров и т.п., которые являют собой столь внушительное зрелище в этом процветающем городе [Лондоне], оказались бы в плачевном состоянии. То же самое можно сказать не только о тех, кто делает карты и кости, ибо они непосредственно служат легиону пороков, но и о торговцах шелком и бархатом, об обойщиках, портных и многих других, которые через полгода умерли бы с голоду, если бы гордость и роскошь были в одночасье изгнаны из страны.

ⁱⁱ *Тут и преступница-пчела
Для пользы общества жила.*

Я знаю, что многим это покажется странным парадоксом, и меня спросят, какую выгоду получает общество от воров и взломщиков. Я признаю, что они наносят большой вред человеческому обществу и каждое правительство должно принять все возможные меры для того, чтобы искоренить и уничтожить их; все же если бы все люди были абсолютно честны и никто бы не вмешивался и не совал свой нос в чужие дела, ограничиваясь своими собственными, то половина кузнецов в стране оказались бы без работы.

Если злобного скрягу, который имеет почти сто тысяч фунтов, а тратит в год всего лишь пятьдесят, при том, что у него нет родственников, которые наследовали бы его богатство, ограбят на пятьсот или тысячу гиней, то, очевидно, как только эти деньги поступят в обращение, в результате этого грабежа страна обогатится и получит такую же реальную выгоду, как если бы какой-нибудь архиепископ завещал ту же сумму

обществу.

Воры и карманники ... хотят удовлетворять свои желания, иметь еду, крепкие напитки, распутных женщин и бездельничать, когда им заблагорассудится. Содержатель таверны, который принимает их и берет у них деньги, зная, каким путем они их добывают, сам почти такой же негодяй, как и его постояльцы. Но если он дерет с них втридорога, не вмешивается в их дела, помалкивает и достаточно осторожен, то может получать деньги и быть пунктуальным в расчетах с теми, с кем имеет дело. Надежный поставщик, главная цель которого — получить прибыль для хозяина, отправляет ему столько пива, сколько он хочет, и принимает все меры, чтобы не потерять клиентуру; он считает, что раз человек платит хорошие деньги, то не его дело интересоваться, от кого он их получает. Тем временем богатый пивовар, доверивший все управление своим служащим, ничего не знает об этом; он содержит выезд, угощает друзей и со спокойной совестью, в довольствии и покое наслаждается всеми радостями жизни, приобретает имение, строит дома, воспитывает своих детей в роскоши, даже не думая о тех усилиях, которые прилагают несчастные, о тех уловках, на которые идут глупцы, и о тех обманах, к которым прибегают мошенники, чтобы приобрести тот товар, благодаря широкой продаже которого он накапливает свои огромные богатства.

iii *Враги — и те, хоть не желали
Того, друг другу помогали...*

Ничто так не способствовало распространению Реформации, как праздность и глупость католического духовенства; однако та же Реформация пробудила их от той лени и того невежества, в которых они до нее пребывали, так что можно сказать, что последователи Лютера, Кальвина и других подвергли реформации не только тех, кого они вовлекли в свои ряды, но и в равной мере тех, кто остался их самыми главными противниками. Духовенство Англии, сурово обрушившись на схизматиков и, обвинив их в недостатке учености, нажило себе тем самым таких грозных врагов, которым нелегко было отвечать; и опять же диссиденты, неотступно следя за частной жизнью и бдительно наблюдая за всеми действиями своих могущественных противников, заставляют сторонников государственной церкви стать более осторожными в своих поступках, чем, по всей вероятности, они были бы, если бы им не приходилось бояться злобных соглядатаев. В огромной степени именно благодаря тому, что во Франции постоянно имеется большое число гугенотов, несмотря на предпринимавшиеся в прошлом попытки полностью истребить их, это королевство может похвастаться духовенством менее беспутным и более ученым, чем в любой другой католической стране. Духовенство католической церкви нигде более не пользуется такой полнотой власти, как в Италии, и поэтому итальянское духовенство — самое развратное; и нигде не найдется более невежественного, чем в Испании, потому что там менее всего выступают против его учения.

iv *Здесь роскошь бедных выручала
Тем, что работу им давала...*

Но с тех пор как я кое-что повидал в мире, последствия роскоши для страны представляются мне не столь уж ужасными, как раньше. Излишества роскоши более всего проявляются в зданиях, мебели, выезде и одежде. Чистое льняное белье расслабляет человека не больше, чем фланелевое; гобелены, прекрасные картины или дубовые панели вредны не более, чем голые стены.

Ибо насколько бы чрезмерными ни были изобилие и роскошь страны, кто-то должен выполнять работу. Дома и корабли должны строиться, товары должны перевозиться, а земля — обрабатываться. При мудром управлении весь народ может купаться в такой иноземной роскоши, которую может оплатить его собственный продукт, и не обнищать от этого.

v *Ей гордость в этом помогала...*

Если бы у нас не было пороков, то я не смог бы увидеть причину, почему какой-либо человек вообще должен шить костюмов больше, чем ему нужно, хотя бы он никогда так сильно не желал содействовать благу страны. Ибо, когда он носит плотный шелк, а не какую-либо легкую материю и предпочитает изысканное тонкое сукно грубому, он не имеет другой цели, кроме как дать работу множеству людей и, следовательно, содействовать благосостоянию общества.

Ткач, сапожник, портной, парикмахер и всякий простой рабочий человек, который может себя немного обеспечить, имеет наглость на первые полученные им деньги одеться, как состоятельный ремесленник. Простой лавочник, торгующий в розницу, одевая свою жену, берет за образец своего соседа, который торгует тем же товаром оптом. ... Как только эти нахальные горожанки начнут подражать уже существующим модам, у них всегда наготове оказывались новые. Такое же соревнование продолжается между благородными дамами всех рангов при невероятных расходах, пока наконец первым фавориткам государя и обладательницам самого высокого ранга, чтобы превзойти стоящих ниже себя, ничего не остается, как только выложить громадные состояния на пышные выезды, великолепную меблировку, роскошные сады и величественные дворцы.

Именно этому соревнованию и постоянному стремлению превзойти друг друга мы обязаны тем, что после всех многочисленных разнообразных движений и изменений моды, при придумывании новой и обновлении старой всегда еще остается *plus ultra* (сверх того) для изобретательных людей; и именно это, или по крайней мере его последствие, дает работу беднякам, прищипоривает трудолюбие и поощряет искусного ремесленника искать дальнейших усовершенствований.

vi *Покой, комфорт и наслажденья...*

Человек, заботящийся о всем мирском, сластолюбивый и честолюбивый, хотя и лишенный каких-либо достоинств, домогается первенства во всем и желает, чтобы его почитали больше, чем тех, кто стоит выше его. Для выполнения даже мельчайших, пустяковых дел он нанимает только самых способных и самых искусных работников, с тем чтобы его мнение и вкус так же отчетливо проявлялись в мельчайших вещах, ему принадлежащих, как его богатство и знатность проявляются в вещах, обладающих гораздо большей ценностью. Он желает, чтобы для общения у него было несколько групп остроумных, веселых и воспитанных людей, среди которых было бы несколько человек, знаменитых своей ученостью и обширными познаниями. Для ведения своих серьезных дел он хочет найти людей способных и опытных, которые должны быть прилежны и верны ему. Он любит, чтобы во всем, что его окружает, было элегантно изящество, а во всем, что имеет отношение непосредственно к его персоне, скрупулезно поддерживалась идеальная чистота.

vii *И жил теперь бедняк простой
Получше, чем богач быллой.*

В первые столетия своего существования человек, несомненно, питался плодами земли, никак их предварительно не обрабатывая, и спал голым, как и другие животные, на лоне природы. Все, что с этого времени содействовало тому, чтобы сделать жизнь удобнее, более или менее заслуживает, чтобы его назвали роскошью, поскольку оно должно было стать результатом мысли, опыта и некоторого труда в зависимости от того, больше или меньше усилий оно потребовало и насколько оно уводило от первобытной простоты.

От пещер, хижин, лачуг, шатров и бараков, с которых начинали люди, мы теперь пришли к теплым и прочным домам, и самые скромные жилища, которые мы видим в городах, представляют собой настоящие здания, задуманные людьми искусными в пропорциях и архитектуре. Если бы древние бритты и галлы могли выйти из могил, с каким удивлением взирали бы они на величественные строения, повсюду возведенные для бедных! Если бы они могли увидеть великолепие колледжа Челси, Гринвичской больницы или, что превосходит их всех, Дом инвалидов в Париже и наблюдать ту заботу, изобилие, излишества и пышность, которыми в этих величественных местах окружены люди совсем неимущие, то те, кто некогда был самым великим и богатым человеком страны, имели бы все основания завидовать самым бедным людям нашего времени.

viii *Жить скромно на свои оклады...*

Человек только тогда прилагает усилия, когда его побуждают к этому его желания. Когда они дремлют и ничто их не возбуждает, его превосходные качества и способности никогда не будут раскрыты, и эту

неуклюжую машину, когда на нее не влияют аффекты, можно по справедливости сравнить с огромной ветряной мельницей, когда нет ни ветерка.

Чтобы сделать общество людей сильным и могущественным, надо затронуть их аффекты. Разделите землю, даже если ее сколько угодно, и собственность сделает их алчными. Чтобы увеличить их численность, учредите разнообразные мануфактуры и не оставляйте ни клочка земли невозделанным. Но если вы, кроме того, захотите сделать их богатыми, знающим и процветающим народом, научите их торговле с заморскими странами и, если возможно, выходить в открытое море, ради этого не жалейте ни трудов, ни затрат, и пусть никакие трудности не удержат вас от этого. Затем развивайте мореплавание, заботьтесь о купце и поощряйте торговлю во всех ее видах; это принесет богатства, а там, где они есть, за ними вслед вскоре придут искусства и науки, и с помощью того, что я назвал, и хорошего управления политики могут сделать народ могучим, славным и процветающим.

Но если вы хотите получить бережливое и честное общество, тогда наилучшая политика состоит в том, чтобы сохранить людей в состоянии их первобытной простоты, стремиться не увеличивать их численность; пусть они никогда не знают иностранцев и не знакомятся с излишествами, удаляйте и прячьте от них все, что может возбудить их желание или усовершенствовать их разум.

Большое богатство и иноземные сокровища никогда не снизойдут к людям, если вы не примете их неразлучных спутников — жадность и роскошь; там, где торговля значительна, вмешается обман.

Как только корабли голландцев приходят из Ост-Индии, компании рассчитывают матросов, и многие из них получают большую часть того, что они заработали за семь или восемь, а иногда за пятнадцать-шестнадцать лет. Этих бедных ребят поощряют тратить свои деньги со всей возможной расточительностью; и если принять во внимание, что, когда многие из них впервые вышли в море, они были отпетыми негодьями и их долго держали в тисках строгой дисциплины, скверно кормили и заставляли много работать в окружении опасностей, не платя денег, то не трудно сделать их щедрыми, как только у них появится много денег.

Они проматывают деньги на вино, женщин и музыку так, как на это способны только люди их вкуса и воспитания, и им дозволяется (с тем чтобы они, однако, воздерживались от нанесения вреда) бражничать и предаваться разгулу с большей распушенностью, чем обычно разрешается другим. В некоторых городах их можно видеть в обществе трех-четырех распутных женщин, мало кто из них трезв, они с ревом бегут по улицам среди бела дня, впереди них скрипач; а если, по их мнению, деньги таким путем уходят недостаточно быстро, они находят другие пути, а иногда швыряют их пригоршнями в толпу. У большинства их это сумасшествие продолжается до тех пор, пока у них хоть что-нибудь есть, а это никогда не длится долго, и по этой причине им дали прозвище «господа на шесть

недель», ибо обычно это как раз тот срок, который нужен компании для подготовки к отправке новых судов, куда эти потерявшие голову бедолаги вынуждены снова наниматься и где могут на досуге раскаиваться в своем безумстве.

В этой уловке заключается двойная политика. Во-первых, если бы эти матросы, которые привыкли к жаркому климату и к нездоровому воздуху и пище, были бережливыми и остались в своей родной стране, компания была бы вынуждена постоянно нанимать новых матросов, из которых (не считая того, что они не так хорошо пригодны для выполнения своего дела) едва ли только каждый второй когда-либо жил где-нибудь в Ост-Индии, и это часто оказывается для них тяжелым испытанием и разочарованием. Во-вторых, те большие суммы денег, раздаваемые матросам, благодаря этому способу немедленно начинают обращаться по всей стране, а затем благодаря огромным акцизным сборам и другим налогам большая часть их вскоре снова возвращается в государственную казну.

...Мы можем допустить, что все люди в Великобритании будут потреблять лишь четыре пятых того, что они потребляют сейчас, и тем самым сэкономят одну пятую своего дохода.

Теперь давайте, без ума от радости из-за такого увеличения богатства, рассмотрим условия, в которых окажутся рабочие люди, и, рассуждая на основании опыта и того, что мы каждодневно у них наблюдаем, давайте подумаем, каково будет их поведение в таком случае. Все знают, что существует огромное число подмастерьев у ткачей, портных, суконщиков и еще ремесленников двадцати разных профессий, которых вряд ли можно убедить работать пятый день, если они смогут содержать себя, работая четыре дня в неделю. Когда мы видим ремесленника, которого нельзя насильно заставить работать раньше вторника, потому что в понедельник утром у него еще оставалось два шиллинга от заработка, полученного на прошлой неделе, почему мы должны воображать, что он вообще отправится на работу, если у него в кармане 15-20 фунтов?

Что же при этих условиях станет с нашими мануфактурами? Если бы то, о чем я говорю, случилось только с подмастерьями сапожников, и ни с кем больше, менее чем через двенадцать месяцев половина из нас ходила бы босиком. Главное и самое неотложное применение денег в любой стране заключается в том, чтобы оплачивать труд бедняков, и, когда действительно ощущается их нехватка, всегда первыми это чувствуют те, у кого очень много работников, которым надо платить. По этой причине количество денег, обращающихся в стране, всегда должно быть пропорционально числу занятых рабочих рук, а заработная плата работников — пропорциональна цене провизии. Отсюда вполне доказуемо, что, если с бедными умело управляют, все, что обеспечивает изобилие, делает рабочих дешевыми; и так же, как следует не допускать, чтобы они голодали, так и получать они должны столько, чтобы нечего было сберегать.

Как очень хорошо заметил сэр Уильям Темпл, все люди более распо-

ложены к покою и наслаждению, чем к труду, так что их ничто не подстегивает и не заставляет приносить пользу, кроме их нужд; облегчить последние — благоразумно, но полностью удовлетворить — безрассудно. Тогда сделать рабочего человека трудолюбивым может единственно умеренное количество денег; ибо если их будет слишком мало, то в зависимости от его характера это либо приведет его к унынию, либо доведет до отчаяния, а если их будет слишком много, это сделает его дерзким и ленивым.

Большинство людей будут смеяться над человеком, который станет утверждать, что слишком большое количество денег способно погубить страну. Тем не менее такова судьба Испании; именно этому ученый дон Диего Сааведра приписывает разорение своей страны. В прежние времена плоды земли сделали Испанию такой богатой, что, когда король Франции Людовик прибыл ко двору в Толедо, он был поражен его великолепием и заявил, что никогда не видел ничего подобного ни в Европе, ни в Азии; а ведь он во время своих поездок в святую землю проехал все государства. Только в одном королевстве Кастильском (если верить некоторым писателям) собралось для ведения священной войны со всех концов света сто тысяч пеших солдат, десять тысяч всадников и шестьдесят тысяч обозных повозок, и Альфонс III содержал их всех за свой счет и платил каждый день как солдатам, так и офицерам и государям, каждому в зависимости от его звания и достоинства. Даже еще во время царствования Фердинанда и Изабеллы (которая снарядила Колумба) и некоторое время спустя Испания была плодородной страной, где процветали торговля и промышленность, и она могла гордиться знающим, трудолюбивым народом. Но как только это огромное сокровище, которое было добыто с большим риском и жестокостью, чем знал до той поры мир, и для овладения которым, по собственному признанию испанцев, они лишили жизни двадцать миллионов индейцев, — повторяю, как только этот океан сокровищ с ревом обрушился на них, он лишил их чувств и трудолюбие покинуло их. Землепашец оставил свой плуг, ремесленник — свои инструменты, купец — свою контору, все с презрением забросили свою работу, предались удовольствиям и стали благородными. Они полагали, что у них есть основание ценить себя выше всех соседей, и теперь ничто, кроме покорения мира, их не удовлетворяло.

Последствие было таково: другие страны снабдили их тем, чего лишили их собственная праздность и гордость; а когда все увидели, что, несмотря на все запреты, которые выносило правительство в отношении вывоза слитков золота или серебра, испанец расстанется с деньгами и сам принесет их тебе на борт, рискуя собственной шеей, весь мир стремился работать на Испанию. Золото и серебро, ежегодно распределяемые таким образом среди всех торговых стран, сделали все вещи дорогими, а большинство стран Европы — промышленными, за исключением самих владельцев драгоценного металла, которые со времени своих огромных приобретений постоянно сидели сложа руки и каждый год ждали с волнением

и нетерпением прибытия своих доходов из-за рубежа, чтобы заплатить другим за то, что они уже потребили. Таким образом, из-за чрезмерного количества денег, создания колоний и других ошибок в управлении, причиной которых было изобилие денег, Испания из плодородной и густонаселенной страны превратилась со всеми своими могущественными титулами и владениями в голую и пустынную большую дорогу, по которой золото и серебро из Америки перевозились в остальные страны мира; и нация из богатой, сообразительной, прилежной и трудолюбивой стала медлительной, ленивой, гордой и жалкой; так обстояло дело в Испании. Еще одна страна, где деньги могут быть названы продуктом, это Португалия, и, я думаю, со всем своим золотом она занимает такое положение в Европе, которому вряд ли стоит завидовать.

ix *Пришло в упадок, захирело
Градостроительное дело;
И живописца дивный труд
Уж никому не нужен тут.*

Нет сомнения в том, что одним из последствий всеобщей честности и бережливости всего народа стало бы то, что не строили бы новых домов и не использовали новых материалов до тех пор, пока достаточно служили бы старые. Из-за этого три четверти каменотесов, плотников, каменщиков и т.п. лишились бы занятий, а если строительные ремесла были бы ликвидированы, что же стало бы с художественной росписью, резьбой по дереву и другими искусствами, служащими роскоши, которые держали под строгим запретом те законодатели, которые предпочитали доброе и честное общество великому и богатому и стремились сделать своих подданных скорее добродетельными, чем богатыми?

x *Богатства ради и покоя
Толкала мужа своего
На плутовство и воровство...*

Разнообразие выполняемой работы и количество рабочих рук, занятых удовлетворением изменчивых женских вкусов и их стремления к роскоши, огромны, и, если бы даже только одни замужние женщины прислушивались к разуму и справедливым увещаниям, удовлетворялись бы первым же отказом и никогда бы не просили второй раз о том, в чем им было уже однажды отказано, потребление тысячи вещей, которые ныне ими используются, сократилось бы по меньшей мере на четверть. Давайте пройдемся из дома в дом и посмотрим, как идут дела только у людей среднего достатка, у лавочников, достойных доверия, которые тратят две-три сотни в год, и мы обнаружим, что женщины, когда у них есть десяток нарядов, причем они уже носили только два-три из них, отнюдь не ставших от этого сколько-нибудь хуже, считают это достаточным основанием, чтобы требовать новых платьев, если они могут сослаться на то, что

у них вообще нет ни одного платья или юбки, в которых бы их часто не видели и по которым бы их не узнавали, особенно в церкви.

Если по этому же образцу мы бы соответственно судили о людях более высокого положения, для которых роскошные наряды, — пустяк по сравнению с их другими расходами, и не забыли бы всякого рода мебель, выезды, драгоценности и дома знатных лиц, мы обнаружили бы, что та четвертая часть, о которой я сказал, составляет большую статью в торговле и что потеря ее была бы более страшным бедствием для такой страны, как наша Англия, чем можно было бы вообразить; другое такое даже трудно себе представить, не исключая свирепой эпидемии чумы, ибо смерть полумиллиона людей не могла бы причинить королевству и десятой части того беспокойства, которое, несомненно, вызвало бы такое же. число безработных, если бы их сразу добавили к тем, кто уже так или иначе является бременем для общества.

И как только читатель соединит эти вещи и на основании того, что он наблюдает в повседневной жизни, логически и беспристрастно подумает о них, то, я осмелюсь польстить себе, он вынужден будет признать, что значительная часть того, в чем заключается процветание Лондона и торговли вообще, и, следовательно, честь, сила, безопасность и все мирские интересы страны полностью зависят женщин; и что смирение, довольство, скромность, бережливость и все добродетели, взятые вместе, даже если бы женщины обладали ими в самой превосходной степени, не могли бы принести и тысячной доли той пользы, чтобы сделать королевство богатым, могущественным и, как мы говорим, процветающим, какую приносят их самые ненавистные качества.

xi В качестве истин, от которых ни в коем случае нельзя отклоняться, я изложил следующее: бедных необходимо строго принуждать к работе, благоразумно облегчать их нужды, но безрассудно совсем их избавлять от них; сельское хозяйство и рыболовство необходимо развивать во всех их отраслях, чтобы сделать провизию и, следовательно, труд дешевыми. Расцвет роскоши наблюдается только в густонаселенных странах, а в них — только у верхушки, а чем больше верхушка, тем пропорционально еще больше должна быть самая нижняя их часть, та основа, которая поддерживает всех, — масса трудящихся бедняков.

Нет ничего, что говорило бы против роскоши. Некоторые знатные люди могут держать три-четыре экипажа и шестерку лошадей и вместе с тем откладывать деньги для своих детей, в то время как молодой лавочник разоряется, держа всего одну жалкую лошадь. Богатая страна не может обойтись без мотовства, и все же я вообще не знаю города, в котором было бы полно расточителей и в то же время не отыскалось бы достаточно скряг, число которых соответствовало бы числу мотов. Кроме того, слабости людей часто работают по принципу противоположностей; некоторые ограниченные души никогда не могут процветать, потому что они слишком скарены, в то время

как ловкачи накапливают огромное богатство, свободно тратя свои деньги и как бы презирая их. Но превратности судьбы неизбежны, и самые прискорбные из них вредны для общества не более, чем смерть отдельных его членов. Крестины должным образом уравнивают похороны. Различные подъемы и спады образуют колесо, которое, постоянно вращаясь, приводит к движению весь механизм. Философы, осмеливающиеся направлять свои мысли за пределы того узкого круга, который находится непосредственно перед ними, рассматривают резкие перемены в судьбах гражданского общества точно так же, как расширения и сокращения легких; последние в такой же мере часть процесса дыхания у более совершенных животных, как и первые; так что изменчивое дыхание непостоянной фортуны для общества то же самое, что изменчивый воздух для живого существа.

Следовательно, скупость и расточительность в равной мере необходимы для общества. Законы, направленные против роскоши, могут быть полезны бедной стране после великих бедствий войны, чумы или голода, когда остановилась работа и оказался прерван труд бедняков; но вводить их в богатом королевстве означало бы неверно понимать его интересы. Я закончу свои замечания о возроптавшем улье, заверив сторонников всеобщей бережливости, что персы и другие восточные народы не смогли бы покупать в больших количествах тонкое английское сукно, которое они употребляют, если бы мы одаряли своих женщин меньшим количеством азиатских шелков.